

И. БРОДСКИЙ

В стихах этих сушь до колотья в горле.
Их полдень, рыдающий солью, высок.
Их путник пустынный терзаем на воле
Физической болью треснувших строк.

**Песочный мятежник с маслом во взгляде,
Каторжник солнца, масло кипит,
Как странно, что муза твоя в Ленинграде
И ныне, не в силах согреться, не спит.**

**Словам твоим отдых немислим безмолвный,
Идти и не спать от резни рифмачей,
От кровель кровавых, гвоздя в изголовье,
От линий, и клеток, и сонмищ свечей.**

**Клинопись, слог на коленях. Изнанка
Ближе расшитого звёздами неба,
В токе предчувствия – привкус заклания,
В токе сознания – корочка хлеба.**

**Идти и идти до потери рассудка,
Пока горизонт не сольётся с молитвой,
Пока, как букварь, не откроются сутки
Картинками истины и не возникнет**

**Дыхание рыжеволосого Бога
Во всех уголках вездесущего Рима,
Немного любви, понимания немного
И талой водицы для пилигрима.**

РАЙ

По прошествии шествия, хода, хода, ходынок и очередей,
После ветхого бега по хрусту ракушек в обездвиженной слякоти дней,
После азбуки Морзе, грозы, озноба в потёмках скамейки и голых,
Как шары, отдаляющихся голосов, после мятного плеска зверей и детей,
Навсегда в перспективе как берег, как сладость, как бал и ёлка

Оставленных. После всех этих праздников, празднеств и брызг любви,
После пряных брызг и ваты, откуда-то, откуда-то мертвенной ваты в карманах, поминки и проч.
Одним словом, за сорок дней до второго пришествия, где-то в районе Крыма,
не так далеко от земли,
Если на спину лечь, перевернуться и на спину лечь, перевернуться и на спину лечь,
можно увидеть ночь.
Настоящая ночь удивительно хороша, особенно если в небе лётчик.

ГЕОМЕТРИЯ ЛОБАЧЕВСКОГО

Исходя из наития, а не из здравого смысла,
Как и принято в случаях долгого-долгого ожидания,
Ожидания, когда цифрами становятся числа,
А воспоминания делаются неосязаемыми,

Когда самые близкие, в памяти подражая друг другу,
Сперва становятся близнецами, а после протяжным «ау-у»,
И единственным из всех отсутствующих вокруг,
Кто не узнаваем, является циферблат на углу,

Когда нет тебя, нет тебя, весточки нет от тебя,
Сутки, двое, ещё сколько-то, тысячелетие, вечность,
Когда уже возникают какие-то женщины из небытия,
Наверное, одна из них – мама, в воздухе – нежность,

Входят, выходят, по комнате ходят, садятся,
Уходят совсем, оставляя слова, и посуду, и стулья,
В ряд, как в театре, по кругу, в углу, вариаций
Не счесть, оставляя слова утешения и поцелуй,

Этот слепок дождя, отзвук серого цвета и жёлтого цвета.
Когда пёс, точно кость, охраняющий паузу, изучает
Сутки, двое, ещё сколько-то твоё одиночество на просвет,
Но глаза его не находят ничего, кроме лампочки в несколько ват,

Исходя из наития, а не из здравого смысла,
Приходишь к реалиям осени, к возрасту бед, к Лобачевскому,
От сырого пейзажа в окне, через мокрые окна пейзажа к листьям
С шершавой кожицей, что к ранке прикладывают в детстве.

*

Уж если воля и покой, уж если воля, и покой...

Пусть будет, в самом деле. В самом том пределе
Где капля – жизнь. А жизнь уже как капля. И покой,
Живая капля в палевом тепле. В тепле ли,

В масляном тепле ль. Живая капелька, колючка. Воля.
На скучном дне нескудный огонёк. Иль голова из пара.
Иль вот мечта о синеве. Мечта, казалось бы, но воля
Однако ж. Воля и покой. Провал конфорки, зев футляра,

В углу паучий сон – трёхпалых стульев сон. Покой.
К гостям готовились. Рты, голоса, всё умерло. А жизнь осталась.
В подтёках пол остался, сон в углу. И стыд, а всё равно покой.
Стыд раковин и ванн, стыд рака красного в тазу из детства. Старость.

Часы стоят. У рака звёздочка во лбу была. А старость – это воля.
Поскольку все ушли. А пар – молчун. И паучок молчит, не шелохнётся.
Вот эта звёздочка – не капелька ли та, что огонёк, и жизнь и воля?
Пусть будет. Пусть много будет, россыпь – на цветках и на оконце,
На скорлупе, на львином бюсте Пушкина... и на оконце.
Покой, и жизнь, и капелька, и воля...

Трёхпалый паучок – молчун. Цветы молчат, сам подоконник. Всё – покой.
Как видите, тепло молчит, молчит герань, и вата, и постель пустая. Всё – покой.

Подарков хочется, конечно. Пусть леденцов, пусть петушка. Всегда в потёмках.
С детства

Хочется. Хотя б искрящей корочки, пусть даже скорлупы в потёмках с детства
Хочется. Подарков хочется. Всегда. Всегда в потёмках. С детства
Хочется. А рака было жалко, ибо он живой и умирал в неволе.

Асбест. Абхазия. Аз – скорлупа. Аз – воля.
Алтарь. Меловый круг. Аз – немота. Аз – воля.

Война была. Вот что, была война. Или убийство. Что-то в этом роде. Воля
Какая-то. Или дуэль... не помню, кончилась иль нет. Уже покой, уже не слышно.
Остыл простор, остыли пушки.

Белым бело, часы стоят, асбест и скорлупа, покой и воля.
С дуэли Пушкин возвращается с бубнящей головой под мышкой.
Пусть говорит. Пусть лучше Пушкин.